

В.Г.ЛЕДЯЕВ

ВЛАСТЬ, ИНТЕРЕС И СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

В социологической и политологической литературе предложены различные определения власти [1, с. 109-126]. Доминирующая традиция в понимании власти, связанная с именами Т.Гоббса, М.Вебера, Р.Даля, Г.Лассуэлла, С.Льюкса и др., основана на рассмотрении власти как ассиметричного социального отношения между субъектом и объектом, включающего актуальный или потенциальный конфликт. Согласно классическому определению Р.Даля, власть – это способность А заставить Б делать то, что Б в ином случае не стал бы делать [2, р. 80]; власть "негативна", направлена против интересов (намерений, целей, предпочтений) объекта, в ходе ее реализации субъект преодолевает сопротивление объекта, навязывая ему свою волю.

После публикации книги С.Льюкса "Власть: радикальный взгляд" [3], стало общепринятым выделять три основные интерпретации власти ("взгляда") в рамках данного подхода. "Одномерный взгляд" (Г.Лассуэлл, Х.Саймон, Дж.Марч, Р.Даль, Н.Полсби) характеризует власть как каузальное отношение между двумя и более акторами, в котором поведение одного актора (субъекта) является причиной изменения поведения другого актора (объекта); он фокусируется на внешних формах поведения, на непосредственно обозреваемых событиях и фактически отождествляет власть с влиянием. Открытый конфликт между субъектом и объектом рассматривается в качестве обязательного элемента властного отношения, он служит основанием для его фиксации. Конфликт проявляет себя в процессе принятия решений, где субъект реализует свои интересы вопреки сопротивлению объекта.

В 60-е годы данный подход критиковался за сведение власти к ее поведенческому, непосредственно обозреваемым формам. С критикой выступили американские исследователи Питер Бэкрэк и Мортон Бэрэтц, предложившие "двумерную" (по терминологии С.Льюкса) концепцию власти. Бэкрэк и Бэрэтц показали, что власть осуществляется не только при принятии решений ("первое лицо власти"), но также в форме ограничения сферы принятия решений "сравнительно безопасными" (для субъекта власти) проблемами [4, р. 6]. Согласно "двумерному" взгляду, конфликт между субъектом и объектом проявляет себя как в ходе столкновения противоположных предпочтений, выраженных в поведении, так и в форме открытого или скрытого недовольства объекта действиями субъекта или сложившейся ситуацией. Последнее может и не перерасти в конфликт предпочтений, если субъекту удастся осуществить "мобилизацию склонностей" (mobilisation of bias), заложенных в

Ледяев Валерий Георгиевич – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Ивановского энергетического университета.

Адрес: 153018, г. Иваново, ул. Шувандиной, 101-5.

социальной системе, т.е. использовать в своих интересах соответствующие ценности, ритуалы, процедуры, институциональную практику, мобилизация которых позволяет исключить артикуляцию предпочтений объекта из сферы публичной политики [4, р. 43].

В 1974 г. Льюкс предложил "трехмерную" концепцию власти. Он согласился с критикой Бэкрэком и Бэрэтцем "одномерного взгляда", однако указал что и "двумерная" концепция власти не в силах отразить многообразия ее форм. Льюкс подчеркнул, что отсутствие конфликта между субъектом и объектом (открытого или скрытого) не всегда есть консенсус по поводу существующего распределения ценностей, как это утверждали Бэкрэк и Бэрэтц, фактически отвергавшие ("по определению") саму возможность ложного или манипулятивного консенсуса [3, р. 24]. "Третье лицо власти" проявляется в отсутствии обозреваемого конфликта: "А может осуществлять власть над Б не только заставляя того делать то, что тот не хочет делать, но также путем формирования его желаний или воздействуя на них" [3, р. 23]¹. Льюкс подчеркивает, что это "высшая и наиболее коварная" форма власти: между субъектом и объектом нет конфликта предпочтений (субъективных желаний и целей), но есть конфликт интересов; объект действует в соответствии со своими намерениями, но вопреки своим реальным (объективным) неосознанным интересам. В соответствии с этим, Льюкс предлагает исключить из определения власти ссылку на конфликт предпочтений, заменив его на более широкое понятие "конфликт интересов", поскольку в понятие "интересы" входят не только предпочтения, но и что-то такое, что люди могут не осознавать.

Для Льюкса введение понятия "интерес" в определение власти² необходимо для того, чтобы отделить значимое ("нетривиальное") воздействие (власть) от незначимого, несущественного (просто каузальной связи). Льюкс не был удовлетворен традиционными критериями значимого воздействия, принятыми большинством исследователей (конфликт предпочтений, намерение, реализация воли субъекта); он стремится расширить сферу применения понятия власти за счет включения в нее действий (и не-действий) индивидуальных и коллективных субъектов, которые влияют на их интересы, но при этом могут и не совпадать с их намерениями [5, р. 635]. Таким образом, путем включения "интересов" в определение власти Льюкс претендует на более глубокое понимание "значимого воздействия" по сравнению с концепциями других исследователей.

Льюкс считает, что его подход и подходы Даля, Бэкрэка и Бэрэтца следует рассматривать в качестве альтернативных интерпретаций и аппликаций одной и той же концепции власти, согласно которой А осуществляет власть над Б, когда воздействует на Б противоположно его интересам. Главное от-

¹ Согласно "трехмерному" взгляду, конфликт – открытый или скрытый – не является обязательным элементом власти, хотя он, естественно, может иметь место в отношениях между субъектом и объектом.

² "А осуществляет власть над Б когда А воздействует на Б противоположно интересам Б" [3, р. 34].

личие между тремя "взглядами", пишет Льюкс, состоит в том, что они предлагают разные интерпретации "интересов" и ситуаций, где они подвергаются негативному воздействию [3, р. 27]. Если в "одномерном" и "двухмерном" взглядах акцент делается на непосредственно наблюдаемых формах конфликта между субъектом и объектом, а понятие "интересы" трактуется в чисто субъективистском ключе – как осознанные желания (преференции), то в льюксовском "трехмерном" подходе главными объяснительными терминами становятся "объективные интересы" ("реальные интересы") и "латентный конфликт". "Реальные интересы", по Льюксу, это то, что люди выбрали бы в условиях "относительной автономии", т.е. в ситуациях, где над ними не осуществляется власть. Люди часто не знают своих реальных интересов или имеют ошибочные представления о них, так как их преференции могут быть сформированы субъектом власти. Поэтому конфликт интересов не всегда осознается объектом.

Утверждая, что латентный конфликт (конфликт между реальными интересами субъекта и объекта) является обязательным элементом власти в случае отсутствия конфликта субъективных интересов (преференций)³, Льюкс предвидит ситуации, где эти два вида конфликта оказываются "в конфликте" друг с другом – когда субъект действует против субъективных преференций объекта, но в его "объективных" интересах. Льюкс предлагает два возможных варианта объяснения данного случая: (1) субъект осуществляет "краткосрочную власть" над объектом; как только объект начинает осознавать свои реальные интересы, "краткосрочная власть" самоуничтожается; (2) поскольку любой контроль ограничивает автономию объекта, то он не может быть в его интересах: объект всегда имеет "реальный" интерес в своей автономии. Льюкс предпочитает первое объяснение. Он признает, что оно имеет тенденцию к "патерналистскому оправданию тирании"⁴, но надеется избежать этой опасности, построив свое определение реальных интересов "на эмпирических основаниях" [3, р. 33].

Хотя концепция власти Льюкса стала объектом интенсивной критики с самых различных сторон, его вклад в развитие представлений о власти считается общепризнанным. Прежде всего, это касается критики "поведенческого крена" в концептуализации власти, присущего большинству его предшественников, а также аргументов в пользу возможного существования власти в условиях наблюдаемого консенсуса между сторонами (когда одна из них не осознает себя объектом власти другой): власть может быть не только над поведением людей, но и над их сознанием, волей, желаниями, верованиями.

³ Льюкс не допускает, что власть может существовать вообще без конфликта. При отсутствии конфликта субъективных преференций власть основывается на "латентном конфликте" – противоречии между интересами тех, кто осуществляет власть и реальными интересами тех, над кем власть осуществляется.

⁴ Вторая интерпретация, напротив, "направлена на защиту от этого, пре-вращая все или большинство случаев влияния во власть" [3, р. 33].

Льюкс безусловно прав и в том, что "третье лицо власти", при котором объект не в силах сопротивляться воле субъекта, относится к числу наиболее эффективных и одновременно наиболее коварных ее форм. И если мы хотим использовать понятие власти для обозначения всех форм контроля субъекта над объектом – всех ситуаций, когда субъект заставляет объект делать то, что объект в ином случае не стал бы делать – видение власти должно быть "трехмерным".

Следует также подчеркнуть, что трудности эмпирической идентификации "третьего лица власти", на которые указали некоторые исследователи, не являются достаточным основанием для отрицания самого существования этого "лица". Подход Льюкса существенно углубляет наше понимание власти, указывая на ряд важных аспектов социальной реальности, которые до него были вне поля зрения исследователей, т.е. он *теоретически* оправдан. Разумеется, по сравнению с теми формами власти, которые содержат открытый конфликт между субъектом и объектом, "третье лицо власти" сложнее обнаружить и исследовать. Но это можно отнести ко всему, что касается человеческого сознания, веры или потребностей. То, что поведение сравнительно легко поддается эмпирическому анализу, не означает, что власть ограничивается данной сферой.

Однако льюксовское объяснение власти отнюдь не свободно от недостатков, и во многих аспектах его критика вполне правомерна. Наиболее уязвимым является само понимание "реальных интересов" как предпочтений, которые люди выбрали бы если бы не были объектами власти. На это указали многие исследователи. Э.Брэдшоу пишет, что процедура, предложенная Льюксом для определения "реальных интересов", на самом деле ведет лишь к кристаллизации каких-то иных предпочтений. Он также считает маловероятным саму возможность фиксации "относительной автономии" объекта, поскольку в условиях гипотетической независимости объекта от власти субъекта совершенно не исключается возможность контроля со стороны других субъектов [6, p. 270].

Кроме того, даже в условиях "относительной автономии" люди вполне могут иметь предпочтения, которые, очевидно, не могут быть их "реальными" интересами. По мнению С.Клэгга, предлагаемая Льюксом трактовка "реальных интересов" фактически подразумевает, что реальные интересы могут быть установлены на основе обычаев и норм, принятых в данной общности. В таком случае, отмечает Клэгг, мы обязаны признать что склонность человека к употреблению наркотических веществ и курению, представляющие угрозу для его жизни, могут быть в интересах этого человека если и в условиях "относительной автономии" он будет по-прежнему желать быть зависимым от них [7, p. 94-95]. Подход Льюкса здесь явно противоречит здравому смыслу.

Далее, поскольку у людей много различных интересов, то власть над ними может одновременно действовать как против их интересов, так и в их интересах. Например, и быстрое промышленное развитие, и защита окружающей среды несомненно в интересах (субъективных и "реальных") подав-

ляющего большинства людей. Но им часто приходится выбирать между ними и тем самым сознательно действовать в ущерб каким-то своим интересам. Исследование власти, проведенное М.Крэнсоном [8] в двух американских сталелитейных центрах показало, что их жители не могли одновременно реализовать оба свои интереса (которые несомненно относятся к числу их основных интересов) – заинтересованности в полной занятости и заинтересованности в чистой атмосфере, поскольку принятие законодательных актов против загрязнения атмосферы сталелитейными компаниями имело бы весьма негативные экономические последствия – сокращение производства и рост безработицы.

Таким образом, чтобы отнести какой-либо случай к "власти" мы должны рассмотреть *иерархию* интересов объекта, что крайне проблематично. При этом мы не можем просто ранжировать интересы в абсолютном иерархическом порядке. Как пишет Дж.Дебнэм, "ни одно утверждение об интересах не может не учитывать ситуации, в которой эти интересы определяются. Оно также не может быть без ссылок на результаты, выбранные в качестве центральных для изучения власти. Поэтому мы обязаны не устанавливать окончательно интересы индивида, а решать, каковы его интересы в отношении данного результата [9, р. 50].

Противоречия в льюксовском объяснении власти проявляются и в интерпретации "краткосрочной власти". Если бы Льюкс принял марксистскую концепцию интересов, отделяющую интересы от желаний и предпочтений, он вынужден был бы вывести "краткосрочную власть" за пределы понятия. Но Льюкс не делает этого, поскольку в его намерения не входит отказ от "одномерного" и "двумерного" взглядов (где интересы трактуются как предпочтения); его цель – инкорпорировать их в свою "трехмерную" концепцию. Фактически Льюкс разделяет с ними субъективистскую концепцию интересов как предпочтений, но расширяет ее применение путем включения ситуаций, где объект не осознает своих "реальных" предпочтений. Льюкс продолжает определять интересы в терминах предпочтений и желаний, но считает, что они могут быть познаны только в определенных условиях (при "относительной автономии" объекта).

Однако применение столь широкой концепции интересов неизбежно приводит к противоречию между двумя идеями, лежащими в основе теории Льюкса: (1) власть возникает только тогда, когда А воздействует на Б противоположно интересам Б и (2) власть возникает во всех случаях, когда А успешно воздействует на Б противоположно предпочтениям Б⁵. Льюкс тем самым допускает, что объект может одновременно иметь две разные предпочтения – актуальную (осознанную) и латентную ("реальную"), т.е. А может *одновременно* воздействовать на Б как в интересах Б, так и против его интересов. Если А действует в направлении, противоположном *реальным* интересам Б, но не против его (Б) предпочтений, – то это "третье измерение власти"; если же А дей-

⁵ Последнее подразумевается, поскольку льюксовский "трехмерный" взгляд включает в себя "одномерный" и "двумерный" взгляды.

ствуует противоположно субъективным (осознаваемым) предпочтениям Б, но не против его (Б) реальных интересов, – это "краткосрочная власть".

Поскольку Льюкс не отвергает, а лишь расширяет традиционное понятие "интересов" путем включения "реальных" интересов в его содержание, то он должен, исходя из данной логики, относить к власти все случаи, когда А действует противоположно интересам и/или предпочтениям Б. Но из этого следует, что власть может осуществляться не только противоположно интересам объекта, но и в интересах объекта.⁶ Данная перспектива также не устраивает Льюкса, поскольку это фактически означает, что власть может быть концептуализирована независимо от "интересов", т.е. ссылка на "интересы" не является необходимой для определения власти.

Эти и другие противоречия в анализе Льюкса⁷ вызвали попытки дать иное объяснение власти, которое бы сумело сохранить существенные черты льюксовской концепции, в том числе и идею "третьего лица власти", но при этом избежать свойственных ей недостатков. Кратко охарактеризуем две подобного рода попытки, сделанные Т.Бентоном [10] и К.Хэм [12].

По мнению Бентона, проблемы в льюксовском объяснении власти связаны с включением понятия "интересы" в ее определение. Проанализировав различные концепции интересов, Бентон пришел к выводу что понятие "реальный интерес", каким бы образом оно ни было определено, "неизбежно оказывается оценочным, хотя имеет и когнитивный аспект". Поэтому, чтобы когнитивная критика "одномерного" и "двумерного" взглядов была эффективной, понятие власти должно быть полностью освобождено от ссылок на "интересы" [10, p. 296].

Исходя из этого, ссылка на "интересы объекта" у Бентона заменена ссылкой на "цели (objectives) объекта" (субъект действует противоположно целям объекта). Последние не сводятся к тому, что говорит сам субъект, а определяются в процессе его социальной практики. Интерпретация социальной практики объекта, как и интерпретация его интересов, также может быть предметом существенных методологических и теоретических разногласий. Однако вопрос о целях объекта "в принципе решаем, тогда как вопрос о его интересах (в этом смысле) – нет" [10, p. 296].

Бентон также предлагает принять во внимание *цели субъекта* (вместе с целями объекта), рассматривая их в качестве критерия значимого воздействия. По его мнению, это необходимо для того, чтобы различать "власть над кем-то" (power over somebody), обязательно предполагающую конфликт между целями А и Б, и "власть сделать что-то" (power to do something), которая может осуществляться и без негативного воздействия на Б. "Там где цели А не вступают в конфликт с достижением какой-либо из актуальных или воз-

⁶ В "краткосрочной власти" субъект действует в "реальных" интересах объекта, а при осуществлении "третьего измерения власти" намерения субъекта совпадают с актуальными предпочтениями объекта.

⁷ Детальный анализ и критика концепции власти Льюкса были предприняты Т.Бентоном [10], Э.Брэдшоу [6], Х.Маклахланом [11], С.Клэггом [7] и другими исследователями.

можных целей Б, — пишет он, — власть А достичь своих целей не содержит в себе власти над Б" [10, р. 297].

Еще одна модификация льюксовской концепции власти связана с введением Бентоном понятий "ресурсы" и "возможности". "Ресурсы" относятся к внешним структурным свойствам акторов, обусловленным их отношениями с другими людьми, коллективами и материальными объектами, тогда как "возможности" (capabilities) характеризуют внутренние структурные свойства акторов. На уровне индивидуальных акторов к "возможностям" относятся знания, навыки, компетенция, сила, и т.д., в отношении коллективов "возможности" обозначают состояние их внутренней организации, доступ к знаниям, навыки и другие свойства индивидов из которых состоит коллективный актор, коммуникации, качества руководства и т.д. [10, р. 298]. Введение этих понятий Бентон относит к числу основных достоинств своей концепции, поскольку ссылка на основания власти, отражающиеся в данных понятиях, позволяет говорить о власти субъекта и в тех ситуациях, где возможности и ресурсы субъекта и объекта полностью не используются.

Наконец, последняя модификация связана непосредственно с "третьим лицом власти". Вместо ссылки на несовместимость целей субъекта и объекта Бентон предлагает включить в определение власти ссылку на *актуальные* цели субъекта, реализация которых была бы несовместима с *возможными* целями объекта. Ситуации когда субъект не допускает возникновение у объекта такой цели, Бентон рассматривает как осуществление власти [10, р. 300]. Он отмечает, что данное уточнение позволяет анализировать властные отношения, где субъект формирует желания, предпочтения, цели объекта но при этом не использует какие-либо этически или политически оспариваемые понятия интересов.

Более поздняя попытка "исправить" Льюкса, предложив свое объяснение "многомерной" природы власти, была предпринята К.Хэм. По мнению Хэя, проблемы Льюкса связаны с тем, что он не отвергает бихевиористские дефиниции Даля и Бэкрэка и Бэрэтца, а лишь поправляет и модифицирует их. В результате ему приходится проводить различия между "воспринимаемыми" и "реальными" интересами и использовать нормативные критерии при определении понятия. Хэй также подчеркивает, что льюксовскому пониманию внутренне присущ критический момент. "Его концепцию делает одновременно критической и специфически радикальной, — пишет Хэй, — то, что определение властного отношения, по Льюксу, предполагает его критику. ...В рамках данного подхода власть является не столько аналитической, сколько критической категорией" [12, р. 48-49]. "Власть" у Льюкса стала "чисто уничижительной" по определению, суть власти негативна, а ее критика призвана указать пути ее уничтожения. Между тем, социальная и политическая критика — с какой бы позиции она ни велась — неизбежно является нормативной, она содержит в себе оценочные суждения и не может быть научно нейтральной [12, р. 49]. Поэтому Хэй видит свою задачу в том, чтобы "развести анализ идентификации власти и ее критику". Он хочет освободить понятие власти от негативного элемента, но при этом сохранить дух льюксовского "трехмерного" подхода [12, р. 50].

Хэй пытается решить данную проблему путем введения "позитивной" или "непрямой" (indirect) концепции власти как формирования контекста (context-shaping). Власть, пишет он, имеет две формы: (1) непосредственная власть или власть как контроль за действием (conduct-shaping) – А заставляет Б делать то, что Б в ином случае не стал бы делать; и (2) непрямая власть, осуществляемая через социальную структуру и инстанцируемая в ней. В последнем случае власть определяется как "способность акторов (индивидуальных или коллективных) воздействовать на контекст, определяющий сферу возможностей других акторов" [12, р. 50]⁸. Данный подход, как утверждает Хэй, позволяет отделить и не смешивать аналитические вопросы, касающиеся идентификации власти в социальных и политических процессах, и нормативные вопросы, связанные с критикой распределения и осуществления власти, так как его определение власти ни в каком смысле не основывается на оценочных (нормативных) суждениях об интересах (реальных или мнимых) участников властного отношения.

Хотя концепции Бентона и Хэя существенно отличаются друг от друга, оба автора сходятся в одном: понятие власти должно учесть "третье лицо власти", но без ссылок на интересы объекта. Такая постановка вполне правомерна и с ней, на мой взгляд, следует согласиться. Однако предложенные концепции не свободны от серьезных недостатков, и поэтому следует искать иное решение данной проблемы.

Трудности, с которыми сталкиваются как оба вышеизложенных подхода, так и многие другие концепции власти, связаны с двумя взаимообусловленными проблемами. Во-первых, с включением конфликта в определение власти, во-вторых, с объяснением результата власти (outcome of power) и различий между "властью над" (power over somebody) и "властью для" (властью сделать что-то, power to do something). Рассмотрим эти проблемы.

Включение конфликта в определение власти обычно объясняется как необходимое для того, чтобы отличать контролируемое поведение объекта от автономного и вывести из сферы власти случаи, где люди "действуют добровольно", например, когда их поведение мотивировано возможностью получения вознаграждения, когда они следуют чьему-то совету или когда руководствуются своими моральными принципами. По сути дела, исследователи исключают из власти побуждение (предложение награды за повинование команде), убеждение, манипуляцию и некоторые формы авторитета.

На наш взгляд, сведение власти к "недобровольному" подчинению и ее противопоставление "добровольному" поведению объекта во всех остальных случаях воздействия субъекта на объект весьма сомнительно. Уже хотя бы потому, что по многим проблемам люди могут вообще не иметь каких-либо

⁸ По Хэю, в дебатах о "лицах" власти фактически фигурируют две довольно разные концепции. Власть рассматривается и как поведенческий феномен, непосредственно обозреваемый и эмпирически подтверждаемый, и одновременно как возможность изменить структурный контекст, где она латентна и не оказывает непосредственного воздействия на объект.

преференций ("воли"). Получается, что если мы принимаем "конфликтную" концепцию власти, то нам придется признать, что никто в принципе не может иметь власть над ними (в отношении определенных проблем), поскольку никакие попытки влияния на них не будут направлены против их преференций. Могут возразить, что в этой ситуации преференцией ("волей") следует считать бездействие (отсутствие действия) объекта; следовательно, любая успешная попытка субъекта нарушить статус кво делает действие объекта недобровольным. С этим, разумеется, можно согласиться, но только при условии если бездействие объекта является намеренным (сознательным), т.е. если объект рассматривает свое бездействие в качестве преференции (предпочитаемого поведения)⁹. Во всех других случаях, например, когда субъект побуждает объект выбрать одну из нескольких в равной мере привлекательных (непривлекательных), но взаимоисключающихся альтернатив, действия объекта нельзя рассматривать как "недобровольные", хотя они, очевидно, не являются (полностью) автономными (самостоятельными). Другими словами, *не все неавтономные (несамостоятельные) действия являются обязательно недобровольными.*

Таким образом, введение "конфликта" в определение власти неоправданно ограничивает сферу власти, исключая ситуации, когда объект изначально не имеет преференций (в отношении определенных проблем) и, следовательно, не может находиться в состоянии конфликта с субъектом. Он фактически исключает отношения, в которых субъект и объект имеют идентичные или близкие интересы и где субъект способен контролировать поведение или сознание объекта без обращения к силе и принуждению. Например, отношения субординации и подчинения в организациях и учреждениях, основанные на формальных правах и обязанностях, зафиксированных в нормативных документах; лидерство среди единомышленников; отношения между учителем и учеником, между священником и верующим, между умным и глупым и т.д.; все виды контроля над политически индифферентными людьми и многие другие случаи, которые мы обычно склонны считать властью. Кроме того, данный подход по сути отрицает некоторые формы власти *над сознанием* объекта, в которых субъект скорее стремится *изменить* сознание (волю, преференции, интересы) объекта, чем заставить того действовать *вопреки* его воле. Тем самым он фактически ограничивает власть сферой поведения, поскольку человека нельзя заставить думать (верить) вопреки его воле¹⁰. Между тем, контроль над информацией, знанием и другие "мягкие" способы воздействия на поведение человека становятся сегодня все более популярными среди власть имущих.

⁹ Бэкрэк и Бэрэтц следуют этой же логике, когда рассматривают "нерешения" как события.

¹⁰ Непосредственное воздействие на психику человека с помощью, например, психотропных веществ следует рассматривать в качестве психического принуждения или силы.

Еще одна проблема, возникающая при попытке противопоставить "добровольные" и "недобровольные" действия объекта, была рассмотрена Д. Болдуином. Суть ее состоит в том, что "Б не может оценить свою "волю", не принимая во внимание "стоимость" имеющихся у него различных возможностей (opportunity costs); так же, как и исследователь, который хочет объяснить реакцию Б на воздействие со стороны А" [13, р. 1232]. Болдуин иллюстрирует это следующим примером. Если бы кого-нибудь спросили, будет ли он работать восемь часов в день на конвейере, то весьма сомнительно было бы ожидать ответ до тех пор, пока не было бы уточнено вознаграждение (зарботная плата). Очень немногие профессора сказали бы "да", если бы зарботная плата была три доллара в час, но очень немногие сказали бы "нет", если бы зарботная плата была миллион в час. ... "Апогема "каждый человек имеет свою цену" безусловно неверна, но она показывает нам более плодотворную аналитическую перспективу для изучения власти, чем изображение людей как "действующих против своей воли", — пишет Болдуин [13, р. 1232].

Идея о том, что бессмысленно говорить о "воле субъекта", не оценивая возможных последствий имеющихся у него альтернатив — их выгод и издержек, относится не только к случаям побуждения и использованию позитивных и негативных санкций в экономических сделках, но и ко всем другим видам человеческой деятельности. Желание или нежелание объекта повиноваться требованиям субъекта зависит от его оценки "стоимости" подчинения. Последняя, в свою очередь, зависит от альтернатив, предлагаемых субъектом, и степени его влияния на их оценку объектом. Поскольку "цена" альтернатив коррелирует с деятельностью субъекта, предпочтения объекта не могут быть изначально зафиксированы. В этих ситуациях субъект скорее изменяет оценку объектом его возможных перспектив (в случае подчинения или неподчинения), чем действует против воли объекта¹¹.

На наш взгляд, власть может быть "бесконфликтной" и способствовать достижению целей как субъекта, так и объекта. Это вполне соотносится с нашими обыденными представлениями о власти¹². Наоборот, включение конфликта в определение власти приводит к выводам, противоречащим здравому смыслу поскольку власть *над* людьми не обязательно направлена *против* них. Например, большинство людей, по-видимому, согласится с тем, что правительство имеет над ними власть (в соответствующих пределах), но очень немногие будут утверждать, что эта власть *всегда* действует против них.

¹¹ Мы, разумеется, не утверждаем, что власть всегда ведет к изменению предпочтений объекта. Многие формы контроля над поведением (например, физическое принуждение, сила) осуществляются непосредственно против воли объекта. В данном случае мы хотим подчеркнуть, что невозможно подчас различить "добровольное" и "недобровольное" поведение, действия "по воле объекта" и "против воли объекта".

¹² Коллинвуд [14, р. 153-154] приводит следующий пример "бесконфликтной" власти: "Посмотрите на двух мужчин, переносящих пианино: в какой-то момент один из них говорит "поднимай" и другой поднимает".

Отождествление "власти над" с "властью против" стало источником многих концептуальных заблуждений. Льюкс, Бентон и другие исследователи считают, что ссылка на конфликт необходима для объяснения власти как "власти над людьми" и различия между "властью над кем-то" (power over somebody) и "властью сделать что-то" (power to do something)¹³. Они отмечают, что в отличие от "власти над", "власть для" (власть сделать что-то) может быть и не направлена против интересов (преференций, целей) объекта. Бентон рассматривает "власть над" как частный случай "власти для"; он подчеркивает что "власть сделать что-то" не обязательно означает "власть над кем-то" ("А хочет сделать деньги, тогда как Б хочет, чтобы его просто оставили в покое"). "Власть над", по его мнению, осуществляется только тогда, "когда достижение целей А несовместимо с достижением целей Б" [10, p. 298].

Разумеется, Бентон и другие исследователи правы в том, что надо отличать "власть над кем-то" от "власти сделать что-то". Однако его объяснение различий между ними является, на мой взгляд, неудовлетворительным. Рассматривая "власть над" как "власть для" в условиях конфликта (субъект и объект имеют несовместимые цели), Бентон не проводит *качественных* (принципиальных, существенных) различий между ними. И "власть для", и "власть над" характеризуют у него *способность субъекта достичь желаемой цели*; единственное отличие между ними состоит в том, что в первом случае ссылка на конфликт обязательна, во втором – нет.

На наш взгляд, различие состоит в другом. Успешное осуществление "власти сделать что-то" означает, что субъект *достигает своей цели*, т.е. что последствия его действий (не-действий) соответствуют его ожиданиям (надеждам). "А имеет власть сделать X" означает, что А может достичь X и достигнет X, если попытается это сделать. Фактически "власть сделать что-то" есть не что иное, как *способность сделать что-то*, "власть" здесь является синонимом "способности". В этом состоит главная проблема данной концептуализации "власти"; понятие теряет свою уникальность, специфику и может быть заменено понятием "способность" без ущерба для содержания. Более того, выражение "А способен сделать X", как отметил Ф.Оппенгейм, понятнее (проще) чем "А имеет власть сделать X". Использование первого выражения лишь упрощает понимание сути дела [15, p. 29].

Кроме того, в значении "власть сделать что-то" понятие власти остается слишком аморфным и неконкретным, оно не в силах отразить специфики явлений и событий, которые традиционно ассоциируются с властью. В частности, оно не может провести различие между случаями когда (1) А может сделать (достичь) X (само) и (2) А может сделать (достичь) X, заставляя Б сделать X.

¹³ В отличие от русского языка, где выражение "власть сделать что-то" представляется несколько неуклюжим, в английском языке слово "власть" (power) в равной степени используется в обоих сочетаниях, что нередко ведет к путанице в *понятиях*.

С этой точки зрения объяснение власти как "власти над" представляется более четким и конкретным. "Власть над" – это всегда социальное отношение – отношение между социальными субъектами (отношение между А и Б (С, Д, Е...) в отношении X), тогда как "власть для" может быть просто связью между субъектом и его окружением (отношение между А и X), в котором объект власти (актор) отсутствует¹⁴. "Власть над" характеризует способность субъекта добиться подчинения объекта, т.е. осуществлять определенные изменения в поведении и сознании объекта, которые, в свою очередь, могут обеспечить нужные для субъекта последствия. Итоговый момент власти ("выход") в концепции "власти над" непосредственно связан с объектом, с его сознанием и поведением (а не с окружением субъекта), он определяется в терминах подчинения объекта воле субъекта, а не в терминах конечных результатов (последствий), которые субъект может достичь с помощью подчинения.

Таким образом, подчинение является обязательным элементом власти (власти над), оно представляет собой "выход власти", ее итог. "А имеет власть над Б в отношении X" означает, что А может обеспечить подчинение Б в отношении X – заставить Б делать X. Субъект осуществляет власть над объектом во всех случаях, когда добивается его подчинения, независимо от того, дает ли подчинение желаемый для субъекта эффект или нет. Во "власти над" достижение желаемого результата – это следствие осуществления власти, а не составляющая властного отношения; оно хотя и связано с властью, не является результатом ("выходом") власти и не может быть включено в определение власти. В этом суть.

Различие между результатом ("выходом") "власти для" и "власти над" становится очевидным в случаях, когда А может заставить Б делать X, но Б либо не в силах сделать X, либо не способен выполнить команду должным образом. В этой ситуации А бесспорно имеет власть над Б в отношении X (или в отношении попытки сделать X), поскольку А способен заставить Б сделать X. Но А не имеет власти ("власти для", способности) достичь X. Довольно часто люди обладают властью заставить других людей делать что-то, что те в ином случае не стали бы делать, но их власть не приносит им желаемых результатов. Например, коммунистический режим имел в свое время колоссальную власть над людьми, но это не помогло ему достичь тех целей, которые были провозглашены. Требовательные родители всегда заставляют детей готовить уроки, но это не всегда помогает детям получать высокие отметки, на которые рассчитывают родители.

Таким образом, анализ одних и тех же социальных явлений будет различным в зависимости от того, какая концепция власти используется – "власть для" или "власть над". В отличие от "власти для", где следствие власти совпадает с желаемым результатом, непосредственный результат "власти

¹⁴ Это отражается и в некоторых определениях власти как "власти сделать что-то". Например Д.Битэм рассматривает власть как способность субъекта производить изменения в мире и реализовывать свои цели в нем [16, р. 43].

над" – подчинение объекта воле субъекта – не означает, что субъект обязательно достигает своих целей.

Отсюда вытекает следующее. Прежде всего, "власть" нецелесообразно определять слишком широко и использовать для объяснения как "власти над", так и "власти для" или рассматривать их в качестве форм власти. "Власть над" и "власть для" – это два разных понятия; "власть для" не обязательно включает "власть над" и "власть над" не обязательно обеспечивает "власть для". С этой точки зрения концепции Хэя, определяющая власть и в терминах непосредственного контроля за поведением объекта, и как формирование контекста (окружения объекта), состоит из двух разнородных элементов, поскольку первое есть "власть над", а второе – "власть для". Объяснение Бентона также неудовлетворительно с этой точки зрения, поскольку представляя власть ("власть над") как вид "власти для", он по сути затушевывает те различия между ними о которых говорилось выше.

На наш взгляд, "власть" как социальное понятие должно использоваться в значении "власть над" и определяться в терминах контроля над людьми, их сознанием и поведением. Здесь мы принимаем позицию тех исследователей, которые считают, что "власть" не следует сводить к способности достичь какого-то результата, поскольку в этом случае понятие не привносит ничего нового в объяснение социальной реальности.

Могут возразить, что предлагаемая концепция власти является слишком узкой и не может охватить *все*, что мы обычно понимаем под властью в социальном контексте. Как считает П.Моррис, мы не в силах понять и объяснить многие важные аспекты политической жизни, если ограничиваемся "властью над". "Часто мы ценим власть просто потому, – пишет он, – что она позволяет нам иметь то, что мы желаем: больший контроль над своей собственной жизнью". Напротив, все что необходимо сказать о власти (включая власть над кем-то), может быть, по мнению Морриса, выражено в терминах "власти для", но не наоборот [17, р. 33, 34].

Могут также возразить, что концепция власти как способности сделать что-то более подходит для эмпирических исследований. В этой связи тот же Моррис отмечает, что некоторые авторы, определяющие власть как "власть над" в своих теоретических опусах, в эмпирических исследованиях фактически используют концепцию "власти для". Даже Даль, "в чьих трудах постоянно подчеркивается, что власть осуществляется над кем-то, в эмпирических исследованиях забывает об этом и определяет власть людей по их успехам в решении важных вопросов" [17, р. 34-35].

Безусловно, "власть над" не может охватить все интересующие нас аспекты общественной жизни. Многие социальные явления и события следует описывать и объяснять в других терминах, в том числе и в терминах способности сделать что-то. Однако это не является основанием для соединения двух разных значений слова "власть" в одном *понятии*. С этой точки зрения представляется предпочтительным использовать другой термин в отношении тех аспектов социальной реальности, которые не могут быть адекватно объяснены с помощью понятия "власть" (власть над), например, "управление".

Независимо от того, как назвать "власть для", эти два понятия — "власть для" и "власть над" — должны быть четко разграничены в социальном исследовании. Первое играет центральную роль в анализе результатов политического курса, проблем и перспектив социальной и экономической модернизации, текущих изменений в политических институтах, т.е. в анализе *последствий политического процесса*. Разумеется, исследование этих проблем возможно без изучения различных форм политической власти (власти над). Но здесь анализ власти играет вспомогательную роль.

В свою очередь, понятие власти (власти над) становится центральным в исследовании *политики как процесса*. Как отмечает Льюкс, главный интерес в изучении власти (власти над) касается "подчинения людей путем преодоления или предотвращения их сопротивления" [3, р. 30]. Поэтому анализ власти является особенно важным для понимания природы и особенностей политических отношений между индивидами, группами и организациями, их роли в формировании политики. Он способствует раскрытию и объяснению источников социальных действий и механизмов политического лидерства, выбора политических альтернатив, успехов и неудач правительственной политики, происхождения и развития политических режимов, и т.д. Понятие власти (власти над) способствует анализу этих и многих других проблем.

Безусловно, "власть для" (управление) и "власть над" тесно взаимосвязаны. Управление есть функция любой организованной системы, обеспечивающая сохранение структуры, поддержку деятельности и достижение целей системы. Совместная деятельность невозможна без сохранения порядка, организации, координации, разделения труда, т.е. без управления. Управление присутствует во всех стабильных социальных отношениях — в государственных структурах, в организациях, в семье, в межличностных отношениях, т.е. везде. Управление может осуществляться как через специальные управленческие органы, такие как государство, ассамблея, комитет, бюро, так и непосредственно членами группы, например мужем и женой в семье. В любом случае, общества, институты или организации, где управление неудовлетворительно, рано или поздно разрушаются. И наоборот, эффективное и успешное управление является необходимым условием нормального развития любой социальной системы.

Управление непосредственно зависит от способности субъекта достигать необходимых результатов, т.е. от "власти для". Фактически управление может рассматриваться как актуализация "власти для" (способности достичь результата). Главным критерием эффективности управления является степень достигаемости намеченных субъектом целей (повышение производительности труда, снижение безработицы, принятие закона, обеспечение свободы слова и т.д.): люди склонны поддерживать только те правительства, чьи программы успешно реализуются.

Что обеспечивает успех политики правительства? Очевидно, само правительство не может осуществлять свои программы, они воплощаются в жизнь только если ему удастся направить активность людей в нужном направлении. Тем самым его способность достигнуть желаемых целей зависит от способности

заставить людей действовать в соответствии с его намерениями (планами), т.е. *от власти над этими людьми*. Власть (власть над) является необходимым условием управления, это основа управления, его движущая сила. Без способности изменять действия людей управления нет. Не имея власти, отец не может воспитывать сына, менеджер не в силах обеспечить производственную дисциплину, а офицер не в состоянии командовать. Тот, кто выполняет управленческие функции, должен иметь власть над своими подчиненными, т.е. управляющий субъект всегда должен быть субъектом власти. Поэтому политологи склонны различать политические процессы в терминах власти и не всегда различают власть над людьми и способность добиться желаемых результатов (управление).

Наличие власти, однако, не гарантирует достижения желаемого результата. Офицер может быть хорошим субъектом власти (он всегда способен заставить своих подчиненных делать то, что он хочет), но плохим управляющим, если, например, он не может предвидеть последствия осуществления своей власти или же его власть используется не по назначению. Коммунистический режим в Советском Союзе, как мы уже отмечали, имел огромную власть над людьми; партийно-государственные структуры были весьма эффективны как инструменты мобилизации и манипуляции. Но и они оказались не в силах достичь целей, заявленных в Программе КПСС и резолюциях съездов. В данном случае власть не обеспечивает управление.

Другой вывод состоит в том, что власть не следует сводить к контролю за поведением людей: объектом власти могут быть установки, ожидания, нормы, воля и другие аспекты человеческого сознания. Субъект власти может стремиться контролировать как поведение объекта, так и его сознание, либо и то, и другое. На наш взгляд, "третье лицо власти" осуществляется во всех случаях, когда субъект заставляет объект мыслить (понимать, надеяться, верить) определенным образом, независимо от того, направлена ли власть против интересов объекта или нет. Последнее относится к *последствиям* подчинения и не является необходимым элементом власти, поэтому ссылка на "интересы" в определении власти не обязательна. То же самое относится и к "конфликту". Не только "власть для", но и "власть над" может возникнуть между людьми, не имеющими взаимоисключающих предпочтений или интересов, например, в ситуациях, когда у объекта власти вообще отсутствуют какие-либо предпочтения в отношении предлагаемых субъектом альтернатив или когда интересы объекта — осознанные или "реальные" — совпадают с интересами субъекта¹⁵.

Таким образом, власть можно определить как способность субъекта обеспечить подчинение сознания и/или поведения объекта в соответствии со своими намерениями. Данное определение имеет ряд преимуществ. Во-первых, оно согласуется с обыденным пониманием власти и соответствует нашему традиционному интересу в изучении власти как власти *над людьми*. Во-вторых, ограничение результата власти *подчинением* и последовательное объяс-

¹⁵ С этой точки зрения ссылка на *возможный* конфликт между субъектом и объектом, сделанная Бентоном для того, чтобы различать власть (власть над) и просто способность сделать что-то, является излишней.

нение власти как "власти над" делают концепцию конкретной и четкой, позволяя провести различие между результатом власти и его последствиями. При этом власть не ограничивается сферой поведения, но может осуществляться в виде формирования предпочтений (установок, ценностей, ожиданий) объекта. В-третьих, отвергая ссылки на конфликт, оппозицию и интересы в определении власти, данный подход отличается от "негативного" понимания власти, свойственного другим концепциям власти как "власти над". Это, в свою очередь, позволяет избежать традиционной переоценки "силовых" методов власти и учесть возрастающую роль ненасильственных механизмов контроля, основывающихся на знании, экспертизе, информации и формальных процедурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ледяев В.Г.* Современные концепции власти: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996. № 3/4.
2. *Dahl R.* The concept of power // *Political power: A reader in theory and research* / Ed. by R.Bell, D.V.Edwards and R.H.Wagner. London: Collier-Macmillan, 1969.
3. *Lukes S.* *Power: A radical view.* Basingstoke: Macmillan, 1974.
4. *Bachrach P., Baratz M.S.* *Power and poverty: Theory and practice.* New York: Oxford University Press, 1970.
5. *Lukes S.* *Power and authority* // *A history of sociological analysis* / Ed. by T.Bottomore, R.Nisbet. London: Heinemann, 1978.
6. *Bradshaw A.* Critical note: A critique of Steven Lukes' 'Power: A radical view' // *Power: Critical concepts. Vol 2.* / Ed. by J.Scott. London: Routledge, 1993.
7. *Clegg S.* *Frameworks of power.* London: Sage Publications, 1989.
8. *Crenson M.* *The un-politics of air pollution: A study of non-decisionmaking in the cities.* Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1971.
9. *Debnam G.* *The analysis of power: A realist approach.* London: Macmillan, 1984.
10. *Benton T.* Objective interests and the sociology of power // *Power: Critical concepts. Vol 2.* / Ed. by J.Scott. London: Routledge, 1993.
11. *McLachlan H.V.* Is Power an Evaluative Concept? // *Power: Critical concepts. Vol 2.* / Ed. by J.Scott. London: Routledge, 1993.
12. *Hay C.* Divided by a common language: Political theory and the concept of power // *Politics.* 1997. Vol. 17. No 1.
13. *Baldwin D. A.* Power and social exchange // *The American Political Science Review.* 1978. Vol. 72. № 4.
14. *Collingwood R. G.* *The new Leviathan or man, society, civilization and barbarism.* Oxford: Clarendon Press, 1942.
15. *Oppenheim F. E.* *Political concepts. A reconstruction.* Oxford: Basil Blackwell, 1981.
16. *Beethem D.* *The legitimation of power.* London: Macmillan, 1991.
17. *Morris P.* *Power: A philosophical analysis.* Manchester: Manchester University Press, 1987.